Gespräch mit einem Revolutionär.

[Кавелин]

РАЗГОВОРЪ

съ

Соціалистомъ-Революціонеромъ.

BERLIN.
B. BEHR'S BUCHHANDLUNG (E. BOCK)
3. UNTER DEN LINDEN 3.
1880.

РАЗГОВОРЪ

съ

СОЦІАЛИСТОМЪ-РЕВОЛЮЦІОНЕРОМЪ.

РАЗГОВОРЪ

съ

Соціалистомъ-Революціонеромъ.

BERLIN.
B. BEHR'S BUCHHANDLUNG (E. BOCK)
3. UNTER DEN LINDEN 3.
1880.

Молодой N., сынъ моего стариннаго пріятеля, весьма умный и способный малый, сталъ мнѣ съ нѣкоторыхъ поръ очень подозрителенъ. Изъ живаго, открытаго, свѣтлаго юноши онъ какъ-то вдругъ сдѣлался не въ мѣру задумчивъ, упорно молчаливъ, дикъ, нелюдимъ и злобно сумраченъ. Въ наше старое время такое настроенье въ молодыхъ людяхъ считалось и дѣйствительно было признакомъ сердечной зазнобы. Нынче это симптомъ несравненно болѣе зловѣщій. Онъ означаетъ, что юноша дѣлается или сдѣлался заговорщикомъ. Ужасная эпоха!

Что дѣлать съ такимъ субъектомъ? Допросить его? онъ не сознается. Слѣдить за нимъ? не услѣдишь, да и проку въ такихъ пріемахъ мало. Когда человѣка схватила революціонная горячка, то на него можно дѣйствовать только убѣжденіемъ потому, что и сама горячка возникла и процвѣла на почвѣ убѣжденія. „Таковы мои убѣжденія, я дѣйствую на основаніи моего убѣжеденія“, скажетъ вамъ каждый революціонеръ. Стало быть,

намъ надо прежде всего стараться поколебать именно эту основу, если мы хотимъ исцѣлить больнаго. Я частный человѣкъ, не имѣющій власти измѣнять ненормальныя условія общественнаго строя, порождающія революціонныя эпидеміи, я могу лечить только индивидуумы, случайно мнѣ встрѣчающіеся. Да и тутъ я принужденъ соблюдать величайшую осторожность, дабы полиція никакъ не пронюхала, что я, не имѣя особеннаго патента, занимаюсь такимъ опаснымъ дѣломъ, какъ бесѣда съ революціонеромъ. Вѣдь онъ во сто разъ хуже чумнаго! Не боясь заразы для самаго себя, я втихомолку написалъ статью *противъ революціи* и пригласилъ моего больнаго прослушать ее. Вотъ моя статья и съ нею результатъ чтенія.

Революція или Реформація?

Соціализмъ, какъ всякое новое ученіе, проявляется въ мірѣ двумя моментами, положительнымъ и отрицательнымъ. Положительный моментъ — это сама доктрина соціализма и его будущее, имъ созидаемое общество. Отрицательный моментъ сказывается въ томъ отношеніи, въ какое ставятъ себя соціалисты къ старому, существующему порядку вещей. Понятно, что между этими двумя моментами должна быть полная гармонія, что они взаимно другъ друга обусловливаютъ, т. е., что изъ самой сущности соціалистической доктрины долженствуетъ вытекать характеръ ея отношенія къ современному государственному строю. И на оборотъ, характеръ отрицанья непремѣнно окраситъ собой все ученье, дастъ ему тонъ и, если не на всегда, то на долго привяжется къ его будущей судьбѣ, ибо въ дѣйствительности оба момента не суть нечто различное

другъ отъ друга, но одна и таже вещь, только обращенная къ двумъ разнымъ сторонамъ.

Я высказываю мысль не новую, не головоломную и всѣмъ извѣстную; но она постоянно забывается. Нарочно или ненарочно, но ее всѣ обходятъ, а это ведетъ къ весьма прискорбнымъ послѣдствіямъ, перепутываетъ всѣ наши понятія какъ объ людяхъ, называющихъ себя соціалистами, такъ и самой доктринѣ. Вотъ почему я считаю не лишнимъ дать нѣкоторыя объясненья тому, что, казалось бы, и объяснять не надо.

Когда мы хотимъ занять мѣсто, долженствующее принадлежать намъ по праву исторической очереди, но которое покуда занято другимъ лицемъ, *также сѣвшимъ тутъ по праву исторической очереди*, то можемъ обратиться къ этому лицу весьма различно и способъ нашего обращенья будетъ конечно вполнѣ зависѣть отъ нашего характера и темперамента. Мы либо подойдемъ учтиво и скажемъ: позвольте, вашъ часъ прошелъ, теперь мой чередъ быть тутъ, либо крикнемъ ему: *ôte-toi de là, que je m'y mette*, либо, наконецъ, не говоря худаго слова, пустимъ пулю въ лобъ сѣдока. Все это будетъ зависѣть отъ *нравственной*

высоты той доктрины, которую мы въ себѣ носимъ и осуществляемъ нашими поступками. Поклонникъ ислама мечемъ прокладываетъ себѣ историческій путь, но за то, и воцарившись, онъ мечемъ продолжаетъ править вселенною. Кротко и вкрадчиво заговариваетъ христіанинъ, называя себя духовнымъ братомъ и въ тоже время указывая еще на третьяго, какъ бы случайно пришедшаго съ нимъ брата, уже не духовнаго, но мірскаго, служащаго по полицейскому вѣдомству, имѣющему по указанію самаго промысла наблюдать за историческимъ порядкомъ и сего ради всегда находящагося при шпагѣ. За то же Церковь христіанская во всѣ времена и до сего дня старалась и старается забрать въ свои руки всѣ высшія и благороднѣйшія функціи въ человѣческомъ обществѣ, семейный міръ, воспитанье, образованье, оставляя въ вѣдѣніи государства однихъ квартальныхъ надзирателей. Наконецъ, буржуазія, какъ извѣстно, воцарилась въ мірѣ съ помощью палача и гильоттины, но поэтому самому она не можетъ избавиться отъ революцій, въ свою очередь угрожающихъ ей тою же гильоттиной. Какъ же, спрашивается, долженъ нынче соціалистъ подойти къ буржуа и

предъявить ему свои права? Конечно, не по турецки и не по поповски, но также и не на манеръ беззастѣнчиваго Цареубійцы капиталиста, своимъ золотомъ откупившагося отъ всякихъ нравственныхъ и человѣческихъ принциповъ, всегда и вездѣ отказывающагося даже отъ роднаго отечества, *всепродавца* по ремеслу своему.

Соціалистамъ необходимо рѣшить для себя этотъ *важнѣйшій* вопросъ, рѣшить его окончательно, опредѣленно и не теряя драгоцѣнныхъ минутъ потому, что въ немъ, какъ въ началѣ, заключается все будущее со всѣми ёго характеристическими чертами. Рѣшить его, значитъ рѣшить самую суть доктрины, хотя не во всѣхъ ея подробностяхъ, но въ основномъ принципѣ. Тутъ первый шагъ: *первый ихъ блинъ не вышелъ бы комомъ!*

Пріемы людей могутъ быть безконечно разнообразны, однако все это разнообразіе сводится къ двумъ главнымъ видамъ: насильственному и мирному. Пожалуй можно составить еще третій видъ мирнаго по поламъ съ насильственнымъ, но изъ уваженія къ самимъ себѣ мы о немъ говорить не станемъ.

Нынѣшніе соціалисты на столько уже умиро-

творились, что *въ принципѣ* отказываются отъ насилія. Это можно прочесть, если не во всѣхъ, то во многихъ соціалистическихъ изданіяхъ. Но, къ сожалѣнію, они отказываются отъ насилія только въ принципѣ. Они обѣщаютъ создать царство мира, правды, справедливости, согласія и счастья, но все же это царство должно, по ихъ мнѣнію, начаться — революціей!! Конечно, они отговариваются, что насиліе допускается только *въ крайности.* Охъ, эти крайности! Кто ихъ укажетъ, кто имъ судья, кого онѣ не оправдаютъ?! Соціалисты и къ революціи думаютъ прибѣгать на томъ только основаніи, что сидящій нынче на нужномъ для нихъ мѣстѣ, никакъ не уступитъ его добровольно, слѣдовательно, — надо его, болѣе или менѣе, — по зубамъ. Но за то послѣ, когда уже наступитъ царство блаженства для всѣхъ, они и за этимъ битымъ обѣщаютъ ухаживать и доставятъ ему равное со всѣми счастье!... Неужели это не насмѣшка, не грубое издѣванье?!...

Не значитъ ли это то, что поведеніе соціалистовъ будетъ зависѣть нетолько и не столько отъ ихъ собственной миролюбивой доктрины и уваженья къ правдѣ и справедливости,

сколько отъ упорства ненавистнаго имъ порядка вещей? Но если такъ, то само собой разумѣется, что сидящій нынче непремѣнно и даже *притворно* постарается передъ ними заломаться, закобениться, чтобы заставить ихъ и его перекобенить, т. е. постарается довести ихъ до послѣдняго безобразія и тогда — онъ будетъ передъ ними уже вполнѣ правъ.

Нынѣшніе французскіе консерваторы ничего такъ не желаютъ, какъ безобразныхъ выходокъ со стороны радикаловъ и этимъ побѣждаютъ ихъ. Вѣдь это все азбука!

Неужели въ самомъ дѣлѣ люди, проповѣдующіе революцію и прибѣгающіе къ ней вслѣдствіе одной внѣшней, случайной причины и *наперекоръ необходимости внутренней*, не понимаютъ того, что революція немыслима безъ диктатуры? Стало быть они хотятъ создать диктатуру. Но вѣдь она не новость подъ луной, о чемъ же хлопотать? Да кромѣ того, изъ всѣхъ диктатуръ самая жестокая, самая убійственная будетъ диктатура соціалистическая по той простой причинѣ, что она ему не по характеру, не по нраву. Въ противорѣчіи съ самимъ собой онъ будетъ всѣхъ терзать и самъ безконечно терзаться. Насильно

освобождать кого бы то ни было, значитъ убивать свободу въ самомъ ея источникѣ, обращать людей въ рабовъ свободы, т. е. въ нравственныхъ уродовъ. И это должно быть дѣломъ соціализма. Какой позоръ!...

Вотъ отсюда-то, изъ этой путаницы понятій рождаются на свѣтъ книжки, подобныя, „Въ память столѣтія Пугачевщины", гдѣ рядомъ съ прославленьемъ великаго дѣла возникновенья и освобжденья Американской Республики, восхваляется, да еще въ гораздо большей мѣрѣ, что же? Дикая, необузданная, тупая и крайне безсердечная месть, очень понятная со стороны невѣжественной, угнетенной массы, но которая сама себя очень мало понимала и потому не вынесла ни одной ясной идеи, не сказала ни одного смышленнаго слова. По увѣренью книжки выходитъ, что будто бы вся бѣда и весь неуспѣхъ Пугачевскаго предпріятія произошелъ оттого, что Пугачевъ не былъ организаторомъ. Хорошо объясненье! Не самъ ли авторъ говоритъ, какъ мало слушались Пугачева его сообщники? Отчего же между ними такъ таки не нашлось ни одной организаторской головы? Отвѣтъ на это очень простъ: такія головы вѣроятно находились, да

организировать имъ было нечего и нечѣмъ, что во всемъ бунтѣ не оказалось никакой творческой мысли, а было одно злобное настроенье. Извольте организировать — месть! Идея общей человѣческой равноправности, общаго права на землю и счастье не есть изобрѣтеніе пугачевцевъ; она всегда жила во всемъ человѣчествѣ и потому, какъ слишкомъ общая, расплывающаяся и многообъемистая, она и поднявшихся крестьянъ не могла привести ни къ какому положительному результату. Пугачевщина все разрушала, ничего не создавая и всюду оставляла за собой одно опустошеніе. Побѣжденная, она естественно должна была вызвать себѣ реакцію и усилить надъ крестьянами гнетъ крѣпостнаго права. Но еслибъ Пугачевщинѣ удалось торжествовать, то Россія давно бы существовать перестала, превращенная въ груду пепла и развалинъ. И потому, какъ бы ни казалось намъ дурно Россійское государство XVIII вѣка, но оно спасло насъ отъ постыднаго самоистребленья, оно спасло всю будущность Россіи.

До какого умственнаго помраченья нужно дойти, чтобы признать, хотя и отважнаго, но пьянаго, распутнаго и невѣжественнаго ка-

зака великимъ историческимъ дѣятелемъ, да еще реформаторомъ!

Мы живемъ въ мірѣ не абсолютныхъ, но относительныхъ величинъ. Не будетъ у насъ никогда ни полнаго счастья, ни полной справедливости, ни полной свободы; ожидать въ будущемъ мы можемъ только большей противъ прежняго доли счастья, справедливости, свободы. Вотъ эту долю мы и должны искать для каждой данной минуты, а опредѣлиться доля можетъ не иначе, какъ совокупностью всѣхъ существующихъ, наличныхъ условій жизни. Намъ можетъ принадлежать по праву и по всей справедливости только то, что мы добыли себѣ собственнымъ трудомъ. Не это ли основная заповѣдь соціализма?

Когда въ исторіи идетъ рѣчь о счастьи и свободѣ, то весь вопросъ заключается въ словѣ: *сколько?* Каждая эпоха можетъ дать, а люди эпохи способны принять только извѣстное, отмѣренное количество добра и именно то количество, которое заготовило для нихъ ихъ прошлое. Другими словами: что посѣешь, то и пожнешь.

Соціалисты желаютъ разложенья современнаго государственнаго строя. (Я раздѣляю съ

ними это желанье и убѣжденъ, что во всемъ мірѣ не сыщется человѣкъ, который бы захотѣлъ, чтобы человѣческія учрежденія остались на всегда такими, какими мы ихъ нынче видимъ. Въ наше время даже китайцы зашевелились и требуютъ прогресса.) Но что такое разложенье и какимъ процессомъ оно достигается? Не инымъ какъ процессомъ созрѣванья. Зрѣетъ ли нарывъ, яблоко, человѣкъ или государство, они этимъ самымъ разлагаются, т. е. переходятъ постепенно изъ старыхъ формъ въ новыя, въ которыхъ прежняго вида уже признать нельзя, переходятъ естественно, а не насильственно, ростомъ, а не революціями. Революціи всегда задерживаютъ прогрессъ. Вызывая реакціи, онѣ могутъ сокрушить даже самый организмъ, или надолго сдѣлать его больнымъ и немощнымъ.

Еслибъ каждый изъ насъ по мѣрѣ силъ своихъ вносилъ во всѣ темные углы Россіи столько просвѣщенья, справедливости и свободы, сколько это допускается закономъ, еслибъ онъ въ тоже время старался о постепенномъ расширеніи самаго законодательства, а оно по необходимости должно бы расширяться подъ вліяніемъ тепла, производимаго умножившимся

свѣтомъ, то со временемъ всѣ углы нашего милаго, но темнаго отечества были бы свободны и просвѣщены, т. е. Россія была бы неузнаваема и цѣль соціалистовъ достигнута. Скажутъ ли мнѣ, что такой процессъ слишкомъ медленъ? Не знаю, тутъ все зависитъ отъ степени нашего усердія и любви. Но то знаю, что скорѣйшаго пути нѣтъ. Насиліе, рѣзня, терроръ суть враги, а не помощники просвѣщенья, откуда бы они ни шли — сверху или снизу.

Я пишу не для тѣхъ несчастныхъ, которые, подъ вліяніемъ какихъ либо особенно жестоко сложившихся обстоятельствъ въ ихъ жизни, съ отчаянія и почти безсознательно бросились въ омутъ революціонной дѣятельности. Я имѣю въ виду людей не потерявшихъ сознаніе, но проповѣдующихъ соціализмъ и рядомъ съ нимъ его антитезъ — революцію. Эти господа должны были бы знать и помнить, что революціей, при самыхъ счастливыхъ условіяхъ, могутъ быть достигнуты развѣ какіе нибудь мелкіе, внѣшніе результаты чисто политическаго свойства. Но когда, какъ въ соціализмѣ, рѣчь идетъ о коренномъ измѣненіи всѣхъ правовыхъ, нравственныхъ,

религіозныхъ понятій, о созданіи не только новыхъ отношеній между людьми въ семьѣ, обществѣ и государствѣ, но новаго нравственнаго отношенья человѣчества къ самой земной планетѣ, его матери, чуть ли не ко всей вселенной, то всякому должно стать ясно, что такая колосальнѣйшая задача можетъ быть выполнена не иначе, какъ путемъ медленной и глубоко захватывающей реформаціи. Кто этого не понимаетъ, тотъ не долженъ дерзать назвать себя соціалистомъ, онъ весь принадлежитъ старому порядку вещей и не отдѣлался отъ его грубыхъ пріемовъ — баррикадами защищать идеи, терроромъ распространять свободу! Нѣтъ, господа, какъ ни кровавы, но все же такія средства не болѣе, какъ игрушки. Ими можно было потѣшаться и кое что достигать въ старомъ кукольномъ мірѣ. Но когда на историческую сцену выступаетъ уже не маріонетка, но *самъ человѣкъ* въ истинномъ его видѣ и величіи, во всей его правдѣ, то мы бы желали видѣть въ васъ болѣе благогвѣнья къ открывающемуся передъ вами новому, еще невиданному міру и считаемъ нашимъ долгомъ напомнить вамъ, что ваше мальчишество крайне неумѣстно и неприлично для той роли об-

новителей и просвѣтителей человѣчества, которую вы на себя слишкомъ легкомысленно берете.

Все сказанное мною я могу подкрѣпить словами одного изъ самыхъ уважаемыхъ и ученыхъ современныхъ соціалистовъ, Карла Маркса. Вотъ, что онъ говоритъ въ предисловіи къ своему „Капиталу“:

„Та точка зрѣнія, на которой я стою, считаетъ *развитіе экономическихъ общественныхъ формацій естественно - историческимъ процессомъ.*“ Однихъ этихъ словъ было бы достаточно для людей', умѣющихъ читать, но такихъ вездѣ очень мало. Марксъ не просто сказалъ — историческій процессъ, но счелъ нужнымъ добавить — естественно - историческій, т. е. такой, гдѣ всѣ переходы изъ одной формы въ другую совершаются не насильственно, но сами собой. А что именно это онъ хотѣлъ сказать, явствуетъ изъ того, что въ предисловіи непосредственно за симъ слѣдуетъ:

„Заграничные представители англійской *короны* говорятъ здѣсь (въ самой книгѣ), что въ Германіи, во Франціи, во всѣхъ другихъ культурныхъ государствахъ европейскаго конти-

нента преобразованіе существующихъ отношеній капитала и труда одинаково чувствуется и одинаково неизбѣжно, какъ въ Англіи. Въ то же время, по ту сторону Атлантическаго океана, Тэдъ, вице-президентъ С. А. Штатовъ, заявилъ на публичномъ митингѣ: „По уничтоженіи рабства наступила очередь преобразованію отношеній капиталистической и поземельной собственности.“ Вотъ признаки, которыхъ нельзя прикрыть ни пурпуровою мантіей ни черною рясой. Они не означаютъ, что завтра произойдетъ чудо. Они показываютъ, что даже въ господствующихъ классахъ зарождается предчувствіе о томъ, что теперешнее общество не есть твердый кристаллъ, но что это есть организмъ способный превращаться и находящійся постоянно въ процессѣ превращенія.“

К. Марксъ такъ глубоко убѣжденъ въ необходимости развитія общественныхъ формацій, что нисколько *не пугается при видѣ умноженія болѣзненныхъ явленій въ современномъ обществѣ.* Онъ смѣло пишетъ (въ томъ же предисловіи): „Мы (нѣмцы), подобно всей остальной континентальной западной Европѣ, страдаемъ нетолько вслѣдствіе развитія капиталистическаго производства, *но также отъ недостатка этого развитія,“* А вотъ и объясненье неустрашимости Маркса: „Промышленно развитая страна показываетъ менѣе развитымъ картину ихъ собственной будущности.“ Ибо „дѣло идетъ не о высшей и низшей степени развитія общественныхъ антагонизмовъ, происходящихъ изъ естественныхъ законовъ капиталистическаго производства; дѣло идетъ *о самыхъ этихъ законахъ, объ ихъ тенденціяхъ, дѣйствующихъ съ желѣзною необходимостью.“*

А каковы этѣ тенденціи, куда ведетъ ихъ желѣзная необходимсть, т. е. сама сила вещей? Къ ихъ собственному развитію, къ ихъ полнѣйшему вызрѣванью, слѣдовательно — къ разложенью ихъ нынѣшней формы и переходу въ иную, высшую форму. Тутъ совершается тотъ же самый процессъ, какой мы видимъ во всякомъ живомъ организмѣ. Да это и быть иначе не можетъ: что однажды попало въ колесо жизни, должно творить ея законы. Не забудемъ при этомъ еще одно важнѣйшее обстоятельство, именно, что соціализмъ не ограничивается однимъ экономическимъ вопросомъ. Онъ требуетъ реформы *во всемъ*, начиная отъ семейнаго очага до высшаго нравственнаго идеала включительно. Хотя это страшно

усложняетъ задачу, но на столько же увеличиваетъ степень ея необходимости, неизбѣжности. „Die Magenfrage“ отступаетъ въ истинномъ соціализмѣ на самый послѣдній планъ. И это большая ошибка начинать съ экономической почвы. Вопросъ долженъ разрѣшиться прежде въ мозгу, въ сердцѣ, въ нравахъ.....

Постойте, прервалъ меня N. Знаете ли вы, что К. Марксъ не остался на той теоретической точкѣ зрѣнія, съ высоты которой онъ писалъ свою книгу?

Знаю.

Какъ же вы объясняете поведеніе его?

Я съ нимъ лично не знакомъ и мотивовъ своихъ онъ мнѣ не передавалъ. Изъ поступка его я могу вывесть покуда только одно заключенье, что и сильные люди отъ увлеченій не застрахованы.

Помилуйте, да кто же пойдетъ къ вамъ страховаться, когда вы людей такъ дешево оцѣниваете!

Вамъ статья моя не нравится?

Ваша статья хороша, въ ней много правды. Какъ вѣрно хоть бы то мѣсто, гдѣ вы говорите, что еслибъ каждый изъ насъ по мѣрѣ силъ своихъ вносилъ во всѣ углы Россіи столько просвѣщенья, сколько это допускается существующимъ закономъ и еслибъ при этомъ законодательство расширялось подъ вліяніемъ умножающихся свѣта и тепла, то Россія со временемъ стала бы просвѣщенной и цѣль соціализма была бы въ ней достигнута. Противъ этого спорить нѣтъ возможности.

Но?

Но что, еслибъ ни одинъ изъ насъ пальцемъ не пошевельнулъ для общаго дѣла?

Тогда я бы сказалъ, что Россія погибла и по собственной волѣ. Но замѣтьте, что вы дѣлаете предположенье невозможное.

Ну, а еслибъ законодательство, вмѣсто того, чтобы расширяться подъ вліяніемъ тепла, производимаго патріотическимъ движеньемъ нашихъ палецъ, все бы съуживалось и стало бы прихлопывать всѣхъ тѣхъ, у кого пальцы лежатъ не по швамъ?

Опять предположенье немыслимое. Я не могу допустить, чтобы вы въ своей дѣятельности руководствовались такими легковѣс-

ными соображеньями. Реакціи вездѣ могутъ быть ибываютъ: взгляните въ исторію любаго европейскаго государства. Но я не стану вамъ говорить, что прежде осужденія реакціи намъ надо отъискать всѣ поводы къ ней, я только укажу на несомнѣнный фактъ, который и вы отвергать не станете, именно тотъ фактъ, что, не взирая на всѣ реакціи, прогрессъ вездѣ беретъ верхъ. Стóитъ намъ взять періодъ времени нѣсколько покрупнѣе, на примѣръ, въ 20—30 лѣтъ и непремѣнно увидимъ въ итогѣ прогресса весьма значительный плюсъ.

Мой собесѣдникъ хмурилъ брови и не глядѣлъ на меня.

Задача теоретиковъ очень легка, началъ онъ послѣ нѣкотораго молчанья, потому легка, что они имѣютъ дѣло съ умомъ человѣческимъ. Когда вамъ кажется, что умъ погрѣшаетъ, вамъ стóитъ только предъявить ему правильно построенный силлогизмъ — и умъ тотчасъ же безусловно сдается. Не таковъ удѣлъ людей практики. Мы ратуемъ не противъ ума, а противъ глупости, врага безмозглаго, безумнаго, безпутнаго, безчестнаго. Глупость не идетъ ни на какія сдѣлки, а если пойдетъ, то слова не сдержитъ, ее нельзя ни убѣдить, ни

умолить, ни усовѣстить, ни даже устранить. Она все равно, что назойливая зловредная муха: ее можно только поймать и раздавить.

Подумавъ нѣсколько онъ продолжалъ: ловкость и сила — вотъ, что намъ нужно прежде всего; а вы, господа теоритики, не отказывайтесь освѣщать намъ поле нашего дѣйствія, указывайте намъ врага, предостерегайте насъ отъ пропастей, въ которыя не трудно свалиться, когда приходится сражаться во тьмѣ кромѣшной, обдумывайте законы для будущаго общественнаго строя и т. д., но не требуйте отъ насъ, чтобы мы стали заговаривать муху вашими прекрасными силлогизмами. Превратись муха, коли еще можетъ, въ человѣка — и мы тотчасъ же измѣнимъ нашу тактику, но не прежде.

Согласитесь по крайней мѣрѣ съ тѣмъ, возразилъ я, что муху вы ловите и давите, конечно, не въ качествѣ соціалистовъ и что соціализмъ тутъ ужъ рѣшительно ни при чемъ.

Ошибаетесь, отвѣчалъ онъ. Еслибъ мы не вѣровали, еслибъ не были убѣждены, что наша революція будетъ въ мірѣ, по крайней мѣрѣ, въ европейскомъ мірѣ послѣднею, то, пожалуй, мы бы въ нее не кинулись. Мы не

пойдемъ расчищать путь и отворять двери для какого нибудь новаго Бонапарта.

А развѣ французская революція имѣла въ виду пришествіе Бонапарта? Она не меньше васъ мечтала о водвореніи царства свободы, равенства, братства.

Правда; но если это царство тогда не наступило, то виноваты были вовсе не революціонеры, а философы, теоретики, не съумѣвшіе ни предвидѣть возможное появленье диктатора, ни придумать для человѣчества огражденій противъ диктатуры. Вотъ почему, если результатъ нашей революціи окажется такимъ же плачевнымъ, какъ результатъ революціи французской, мы обвиними васъ, вы это знайте. Не ваша ли наука обѣщаетъ обезпечить намъ на извѣстныхъ условіяхъ миръ и свободу? Надѣюсь, что вы не подумаете вмѣнить намъ въ преступленье наше довѣріе и уваженье къ вашей наукѣ!

Извините, но именно я не вижу въ васъ уваженія къ наукѣ.

Почему такъ?

Наука поступаетъ съ вами добросовѣстно и правдиво, она не скрываетъ отъ васъ своихъ чаяній, гаданій, желаній, предположеній и все-

возможныхъ гипотезъ. И я знаю, что на эту, такъ сказать, поэтическую сторону науки вы очень падки и даже нерѣдко придаете чаяніямъ науки болѣе значенія, нежели сами ваши профессора. Но у науки есть еще другая сторона, скучная и прозаичная, это правда, за то вполнѣ достовѣрная, предлагающая вамъ истины несомнѣнныя, вполнѣ дознанныя, но ихъ то вы либо игнорируете, либо всегда стараетесь какъ нибудь обойти.

Сдѣлайте одолженіе, укажите примѣръ.

Не сами ли вы сейчасъ сказали, что наука гарантируетъ вамъ миръ и свободу *на извѣстныхъ условіяхъ?*

Сказалъ и готовъ повторить.

Но вѣдь самое первое условіе, которое она ставитъ, гласитъ такъ: не призывайте Бонапартовъ.

Да мы же ихъ не зовемъ.

Entendons-nous. Вѣрно, что вы не захотѣли бы посадить Наполеона на Всероссійскій престолъ; но отвѣчайте мнѣ по совѣсти, положа руку на сердце: вѣдь вы бы очень обрадовались, еслибъ между вами проявился человѣкъ съ Наполеоновскимъ военнымъ геніемъ или хоть бы Пугачевъ *съ организатор-*

ской головой, по которомъ такъ вздыхаютъ распространяемыя въ кругу вашемъ книжки? Такому молодцу вы бы не замедлили сейчасъ же передать главное начальство надъ всей вашей революціонной арміей. *Но вспомните, что тутъ уже всѣ гарантіи науки для васъ прекращаются, да и сами вы отъ нея отступаетесь.*

N. молчалъ. Онъ задумался и, мнѣ казалось, не находилъ отвѣта.

Вы, какъ юноша, пылки и нетерпѣливы, продолжалъ я. Вы всегда требуете отъ жизни немедленнаго исполненья всѣхъ вашихъ желаній и мечтаній; а такъ какъ они не носятъ на себѣ личнаго характера, такъ какъ вы стремитесь какъ можно скорѣй доставить счастье не самимъ себѣ, но всѣмъ ближнимъ вашимъ, всему народу, вашему обожаемому отечеству, то ваше юношеское нетерпѣніе подгоняется въ груди вашей великодушіемъ вашихъ стремленій и оно доходитъ до страсти. Все это какъ нельзя болѣе понятно. Но не забывайте, что въ роли революціонера вы выступаете уже какъ *общественный дѣятель* и поймите, что обществу нѣтъ никакого дѣла до вашей юности и до вашего личнаго тмеперамента. Ему вы можете служить только правдой, одною трезвой прав-

дой. А гдѣ же трезвость въ вашихъ отношеніяхъ къ Пугачеву, который самъ - пьянъ пьянешенекъ?! Вы говорите, что готовы принесть себя въ жертву общему дѣлу, но, говоря искренно, я и тутъ не вижу правды.

Какъ, и это по вашему неправда? Неужели мы и это не доказали сотни разъ?

Нѣтъ, не доказали. Мы видѣли, что вы отдавали ему ваше имущество, даже вашу жизнь, это вѣрно.

Что же можемъ мы отдать еще?

Что еще? — Вашу нетерпѣливость и, извините за выраженье, нервозность вашего настроенья, а именно такая жертва ему всего дороже отъ общественнаго дѣятеля. Начто намъ ваша смерть или ваша кровь, какая польза для насъ въ вашемъ одиночномъ заключеніи или въ вашихъ работахъ на каторгѣ?. Убѣдитесь въ томъ, что Россіи нужна не смерть ваша, *а жизнь*. Русскіе люди уже слишкомъ много разъ, да, слишкомъ много разъ доказывали, что умѣютъ умирать. *Но жить* они, положительно, не умѣютъ, еще не научились и отсюда вся ихъ бѣда. Да и ктоже можетъ знать, какъ велика, или какъ ничтожна ваша жертва, когда вы отдаете вашу жизнь? Очень

можетъ быть, что и сами-то вы цѣните ее въ копѣйку. Жизнь — копѣйка, — поговорка наша, русская, и такихъ копѣекъ, вы это знаете, было не мало отдано нами по разнымъ поводамъ, вотъ хоть бы по поводу Сербской войны. И вотъ на эту копѣйку покупался великій титулъ героя: развѣ это не афера своего рода? Пожалуйста, не подумайте, будто я вамъ проповѣдую терпѣнье ради терпѣнья или ради нравственной дисциплины. Я съ вами разсуждаю не какъ отвлеченный моралистъ и рекомендую терпѣнье единственно потому, что считаю нетерпѣнье вреднымъ или, по крайней мѣрѣ, безполезнымъ. Вы хотите, ни мало, ни много, весь существующій общественный строй, дать человѣчеству цѣлое новое мировоззрѣнье и думаете этого достигнуть чѣмъ же, революціей!! Позвольте спросить васъ, сколько десятковъ лѣтъ должна она длиться? — Поймите-же, что вы сами себя становите въ положеніе абсурдное.

Что же по вашему мнѣнью надо намъ теперь дѣлать?

Мой искренній совѣтъ былъ бы слѣдующій: прежде всего вамъ надо публично и торжественно, *непремѣнно торжественно* всѣмъ

юношествомъ и передъ лицемъ всей Россіи заявить, что вы отказываетесь напередъ отъ всякой революціонной дѣятельности, отъ всякой и чтобы это стало для всѣхъ несомнѣнно; а потомъ — начать прилежно учиться. Когда вы совершите такой торжественный отказъ отъ революціи, тогда, повѣрьте, двери всѣхъ учебныхъ заведеній настежъ откроются передъ вами и само высшее правительство станетъ за вами ухаживать какъ за будущей силой Россіи. А за тѣмъ вы и все общество примирите съ такимъ соціализмомъ, который всю свою задачу основываетъ на воспитаньи людей въ самыхъ мирныхъ и миролюбивыхъ началахъ. Да не забывайте никогда еще и того, что вы — юноши русскіе и имѣете дѣло съ народомъ, убереженнымъ судьбою отъ принциповъ римскихъ, уже и теперь не знающимъ сословныхъ раздѣленій, съ народомъ какъ нельзя болѣе вѣротерпимымъ и стремящимся къ осуществленію своего историческаго идеала не въ грубой конституціонной борьбѣ большинства съ меньшинствомъ, но въ общинномъ единогласіи подъ эгидой Самодержавной власти.

Самодержавной власти?

Непремѣнно. Вы, если я не ошибаюсь, сторонникъ общиннаго начала?

Безъ сомнѣнья.

Но вѣдь это начало чисто крестьянское, а семидесятимилліонный крестьянскій міръ не пойдетъ ни за дворянствомъ, ни за буржуазіей. Или вы этого не знаете? Царь есть единственный и самый вѣрный оплотъ крестьянства противъ аристократическихъ или мѣщанскихъ конституцій, онъ и въ будущемъ лучшая гарантія противъ возникновенья всякихъ привиллегированныхъ правящихъ классовъ. И нѣтъ сомнѣнья, что всею массой своей, дружно и увѣренно Россія можетъ итти только за самодержавнымъ, т. е. свободнымъ Царемъ, независящимъ ни отъ бояръ, ни отъ плутократовъ. Сама исторія заставляетъ насъ создать новый, небывалый своеобразный политическій строй, для котораго не подъищешь другаго названья, какъ — *Самодержавной республики.* Европа, конечно, не скоро насъ пойметъ, да вѣдь не въ этомъ и дѣло. Согласны вы со мной?

Не знаю. Дайте хорошенько обдумать. Во всякомъ случаѣ вы высказываете мысль

очень оригинальную и я вамъ за нее благодаренъ.

А я вамъ еще разъ повторю, что посредствомъ революціи возможно отъ любаго правительства добиться какой нибудь конституціи, это мы знаемъ изъ исторіи; но въ виду цѣлей социалистическихъ революція — чистая нелѣпость. Не смущайтесь, если увидите, что западноевропейскіе соціалисты не прекратятъ свою революціонную дѣятельность по примѣру вашему. Въ Европѣ, къ ея несчастію, совершенно иныя условія, чѣмъ у насъ: тамъ монархи ограниченные, связанные, находящіеся во власти правящихъ классовъ. Эти монархи могутъ подойти къ народу и народъ къ нимъ не иначе, какъ *устраняя аристократію и буржуазію*, что невозможно безъ насильственныхъ средствъ, болѣе или менѣе крутыхъ, революціонныхъ. Вотъ вамъ и объясненье революціонной дѣятельности людей, подобныхъ Карлу Марксу. Вѣдь онъ не врагъ ни Германскаго Императора Вильгельма, ни Королевы Викторіи, онъ врагъ юнкеровъ, князей, перовъ, лордовъ, маркизовъ, банкировъ, фабрикантовъ и т. д., не такъ ли?

Это правда.

Такъ неужели вы бы и въ Россіи захотѣли создать стѣнку между верховною властью и народомъ?

Избави Богъ!

Такъ знайте же, что *революція, да еще такая, которая поднимается вами во имя народа и какъ бы съ его соизволенья*, (котораго въ дѣйствительности нѣтъ,) можетъ заставить верховную власть подумывать о сооруженьи буржуазной стѣнки въ интересахъ своего собственнаго огражденья: а матеріалъ для нашей стѣнки откуда же взять, какъ не изъ кулаковъ, міроѣдовъ, жидовъ, кровопивцевъ и всякихъ проходимцевъ, у которыхъ, кромѣ грѣха, ничего нѣтъ за душой? Другаго матеріала наша исторія не выработала. Я признаюсь, сильно подозрѣваю, что денежки, коими располагаетъ наша революціонная молодежь, сама по себѣ очень не богатая, идутъ не отъ Биконсфильдовъ или Бисмарковъ, какъ то думаютъ нѣкоторые, но отъ нашихъ доморощенныхъ любителей конституцій. Эти господа очень хорошо знаютъ, что вы работаете прямо имъ въ руки.

Почему вы такъ думаете?

Нынче они эксплуатируютъ народъ частенько *вопреки* закону и потому могутъ подвергаться взысканіямъ. Существующій законъ, хотя и насильно, но все же ограждаетъ крестьянство и его общинное землевладѣніе. Царь никогда не выдастъ мужика съ руками и ногами. Кому же не ясно, что какъ только Царь свяжетъ мужика, такъ въ ту же минуту конституція свяжетъ Царя? И тогда-то эксплуататоры станутъ обирать народъ уже по всей строгости ими же самими созданнаго закона и крестьянство русское будетъ въ самое непродолжительное время точно также въ концѣ обезземелено, какъ въ Англіи

Вы говорите о кулакахъ, жидахъ, проходимцахъ, отчего забываете вы русскую интеллигенцію?

Вы кажется меня искушаете? Нѣтъ, я ее не забываю. Помилуйте, наши генералы, адмиралы, предводители экспедицій, интендантское и коммисиріатское начальство, наши министры, дипломаты, тайные и дѣйствительные тайные совѣтники, князья, графы и бароны, заправители банковъ, желѣзнодорожные господа, концессіонеры, наши облакаты и т. д. и т. д., да они во вѣки не забыты! А гласные нашихъ земствъ развѣ лучше? Еще на этихъ дняхъ гласные Москвы имѣли безстыдство высказать

въ публичныхъ рѣчахъ, что образованье вредно для народа! И даже наше ученое сословіе полно такихъ личностей, которые готовы будутъ писать вамъ трактатцы по соціологіи, но въ тоже врея вести съ крастьянами процессы нетолько бвзсовѣстные, но и противузаконные. Да, существующій законъ, нашъ государственный законъ не въ примѣръ нравственнѣе нашей интеллигенціи и еслибъ онъ всегда и всѣми соблюдался, то въ Россіи жить было бы очень еще не худо. Но кто же нарушаетъ его вездѣ и ежеминутно, какъ не интеллигенція? Нѣтъ сомнѣнья, что въ ея средѣ найдутся люди почтенные, сохранившіеся, честные, но они не могутъ итти въ расчетъ тамъ, гдѣ вся масса на сквозь прогнила, развратилась, изолгалась, изворовалась, умъ и сердце истаскала въ лакействѣ и затеряла всякій инстинктъ чести, даже простой стыдъ.

Да вы говорите совершенно какъ одинъ изъ насъ!

Вотъ это самое и даетъ мнѣ право и силу воздерживать васъ отъ непотребныхъ революціонныхъ замашекъ, которыя могутъ нанести русскому народу самый смертельный ударъ. Взгляните на западъ Европы: вездѣ тамъ уже

давно заведены конституціонные порядки (и интеллигенціи тамъ много болѣе, чѣмъ у насъ). но и вездѣ вулканы революціи, если не въ дѣйствіи, то въ видѣ постоянной ужасной угрозы. Откуда эти революціонныя движенія и что они означаютъ? Они нынче ничто иное, какъ порывы, стремленія простаго народа къ союзу съ верховною властью, съ которой онъ разлученъ. Тутъ, очевидно, мирное развитіе не мыслимо. Неужели такое зрѣлище можетъ вамъ казаться привлекательнымъ и достойнымъ подражанія въ землѣ нашей, гдѣ численный перевѣсъ простонародья надъ всѣми остальными классами такъ страшно громаденъ?... Да, милостивый государь, если вы въ истину патріотъ, то вамъ еще *не разъ придется поблагодарить Александра Николаевича за то, что онъ не торопится дать Россіи конституцію!!* Не чаю я добра для народа отъ той, которую онъ называетъ Константиновой женой. Конституція, это — плѣнъ Царя и раззореніе народа въ пользу ничтожнѣйшаго и притомъ развратнѣйшаго меньшинства.

Вы правы.

Вся будущность Россіи, ея внутреннее спокойствіе, ея богатство, просвѣщенье, сво-

бода, прогрессъ и вмѣстѣ внѣшнее ея величіе, — все это лежитъ *въ правильномъ и справедливомъ рѣшеньи аграрнаго вопроса*, который у насъ нынче на первой очереди. Вотъ гдѣ вся суть, — я думаю, что противъ этого вы спорить не станете. Но кто же тормозитъ дѣло? — Интеллигенція, *одна она*, а не верховная власть, для которой, въ дѣйствительности, никакой нѣтъ выгоды въ забитости, нищетѣ и невѣжествѣ семидесяти милліоновъ подданныхъ самыхъ консервативнѣйшихъ. Если верховная власть и дѣйствуетъ иногда какъ бы въ согласіи съ интеллигенціей, такъ это съ ея стороны только временная ошибка, со стороны интеллигенціи — это злой расчетъ. Не ясно ли все это какъ Божій день? Позвольте мнѣ теперь напомнить вамъ одно очень умное слово Ю. Ѳ. Самарина. Онъ гдѣ-то сказазлъ: „Въ идеалѣ русскомъ представляется Самодержавная власть, вдохновляемая и направляемая народнымъ мнѣніемъ.“ Мнѣ кажется, что это вполнѣ вѣрно. Тутъ выражено органическое единство власти и народа; а такъ какъ народъ, безъ сомнѣнья, по самому существу своему самодержавенъ, то и единая съ нимъ власть, *eo ipso*, должна быть самодержавной.

Когда наша интеллигенція вся сполна перейдетъ, втянется въ народъ и перестанетъ отдѣляться отъ него нетолько правами и положеніемъ, но и тенденціями своими, когда она перестанетъ жить обособленной корпораціей какъ нѣкая опричнина въ землѣ, т. е. когда она вполнѣ сброситъ съ себя безнравственную и развращающую ее рознь съ народомъ, тогда Россія станетъ тѣмъ, чѣмъ ей быть должно и по демократическому ея складу и по смыслу всей ея прошлой исторіи, выдвигавшей на первый планъ только Царя и народъ. Погнавшись за европейскими образцами, мы сбились съ нашего историческаго пути. Отсюда всѣ наши ошибки, всѣ невзгоды. Намъ не удалось, да и не могло удаться сдѣлаться нѣмцами, французами или англичанами, но мы уже стали и не-русскими въ полномъ смыслѣ этого слова. Мы говорить разучили, писать забыли, творчество наше изсякло, мы жили и пробавлялись постоянно чужимъ, мы думали не своими мозгами. Я не стану отвергать того, что такой тяжелый искусъ нуженъ былъ намъ, по волѣ судебъ отставшимъ отъ цивилизаціи другихъ народовъ, но все же не могу смотрѣть на него иначе, какъ на временное

испытанье, а не всегдашнее наше назначенье - вѣчно оставаться въ хвостѣ другихъ и не имѣть ничего своего. И нынче наступилъ роковой часъ, когда мы должны сдѣлаться опять самими собою: когда европейская цивилизація уперлась лбомъ въ стѣну, ею самой созданною пролетаріата и сама не знаетъ, какъ ей быть и что дѣлать, то какою же она можетъ быть намъ указчицей?! „*Da stehen die Ochsen am Berge*", скажемъ мы ей и еще посмотримъ, - не намъ ли придется выручить ее и, на этотъ разъ, выручить изъ бѣды гораздо болѣе опасной, чѣмъ иго Наполеоновское!

Я теперь вполнѣ понялъ вашу мысль и только попросилъ бы васъ представить мнѣ болѣе ясный образъ той политической формы, которую вы считаете самой естественной для Россіи, сказалъ N.

Я начинаю съ крестьянской общины, вполнѣ автономной во всѣхъ дѣлахъ, до ея одной касающихся; затѣмъ союзы общинъ уѣздные и губернскіе или областные со своими выборными представительствами: а цѣлое завершится Общимъ Земскимъ Соборомъ подъ предсѣдательствомъ Самодержавнаго, наслѣдственнаго Царя. Для того наслѣдственнаго, чтобы

не было борьбы партій и смуты при его избраніи, для того самодержавнаго, чтобы онъ могъ быть всегда Царемъ *всѣхъ*, а не того случайнаго большинства, благодаря которому онъ бы царствовалъ.

А вы не боитесь злоупотребленій власти?

Какъ не бояться ихъ! Но употребить во зло можно все на свѣтѣ и при всякихъ порядкахъ.

Однако, чѣмъ больше огражденій. . . .

Тѣмъ, конечно, лучше. Но я желаю огражденій не внѣшнихъ, а внутреннихъ. Ахъ, господа, пуще всего остерегайтесь средствъ искусственныхъ, берегитесь, чтобы у васъ на мѣсто живаго Царя не воцарилось мертвое огражденье, съ которымъ вы потомъ сами не справитесь! Но, замѣтьте, какой странный оборотъ принялъ нашъ разговоръ: мнѣ приходится предостерегать васъ, соціалиста, противъ конституціонныхъ тенденцій! Не явное ли это доказательство лживости того революціоннаго начала, которое вы совершенно незаконно и нелогично вносите въ соціализмъ и производите въ немъ раздвоенье, васъ самихъ путающее? Да, вамъ необходимо выбрать одно

изъ двухъ: мирный прогрессъ соціализма, или революціонныя конвульсіи конституціи.

Неужели однако, перебилъ меня N., вамъ и англійская конституція не представляется такою, при которой мирный прогрессъ возможенъ и даже вѣроятенъ?

Нѣтъ, отвѣчалъ я, англійская конституція, безспорно, самая совершенная. Но это машина, которая, захватывая человѣчество въ свои колеса, переработываетъ его въ себѣ и выпускаетъ уже не въ видѣ людей, но, въ одну сторону — въ видѣ одичалыхъ, вымученныхъ, въ другую—въ видѣ образцово выхоленныхъ—звѣрей. Такой прогрессъ уже и самъ по себѣ не представляется мнѣ очень-то мирнымъ, но, кромѣ того, онъ азартный и вѣчно виситъ на волоскѣ. Несомнѣнно, что какъ только освободится Индія, а минута эта уже не далека, и Англію достигнетъ такая катастрофа, какой свѣтъ еще не видѣлъ. Да и въ самой себѣ она не мирна, взгляните на Ирландію. . . . . . . Безсердечіе, вотъ главный продуктъ, который производитъ Англія какъ у себя дома, такъ и всюду, куда она является: имъ она обогащается, имъ она нынче сильна, имъ же она завтра погибнетъ. Отнимите у ней безсердечіе — и

конституція ея развалится. Родина Дарвинизма давно внесла зоологическіе законы въ общество человѣческое и ими постепенно оскотиниваетъ людей. . . . Нынче Россія вступаетъ съ Англіей въ борьбу по всей своей южной и юго-восточной границѣ. Побѣдить своего врага она ничѣмъ не можетъ такъ успѣшно, какъ своею человѣчностью. А что это значитъ, я думаю, объяснять не надо. Но прошу васъ замѣтить, что верховная власть, при всемъ ея желаніи, и не можетъ быть вполнѣ гуманною покуда не гуманны тѣ классы, которые стоятъ между народомъ и ею. Вспомните поучительный фактъ, что въ вопросѣ объ освобожденіи крестьянъ высшее правительство стало съ самаго начала на гораздо болѣе либеральную, вѣрную и патріотическую точку зрѣнія, чѣмъ вся масса дворянства и что эта, такъ называемая, интеллигенція постаралась испортить эмансипацію на сколько въ эту минуту могла, не возбуждая противъ себя слишкомъ великаго негодованья народа. Вѣдь Государь былъ совершенно правъ, когда сказалъ московскому дворянству, а въ его лицѣ и всему русскому: „*Я опередилъ васъ на пятьдесятъ лѣтъ.*“ И вотъ этому-то *отсталому* дворян-

ству вы бы нынче захотѣли вручить конституціонную власть? Или, можетъ быть, вы думаете, что съ тѣхъ поръ наша интеллигенція выросла, исправилась? Такъ посмотрите, что вокругъ насъ творится: какъ только наши передовые люди (очень ихъ у насъ немного,) заводятъ въ печати или въ земствахъ толки о раззореніи всего крестьянства, о необходимости прійти ему на помощь, о безбожно малыхъ надѣлахъ, о крайнемъ истощеніи податной силы, о допущеніи переселеній, о школахъ, о дешевомъ кредитѣ и т. д. и т. д., такъ тотчасъ вся масса интеллигенціи подыметъ гвалтъ, толки заглушаются, передовыхъ людей ссылаютъ административнымъ порядкомъ. Не забудьте, что все это совершается при самодержавномъ Царѣ, что же будетъ тогда, когда *эта* интеллигенція станетъ сама *правящимъ классомъ?!*

Позвольте же, быстро остановилъ меня N., у насъ, слава Богу, конституціи формальной, *de jure* еще нѣтъ. Однако она существуетъ *de facto*. Вы самы сейчасъ сказали, что верховная власть не можетъ быть вполнѣ гуманною, покуда не гуманны промежуточные классы, отдѣляющіе ее отъ народа. Значитъ и мы

имѣемъ стѣну, которую необходимо пробить во что бы то ни стало.

О, не горячитесь, наша стѣнка не каменная, не настоящая, не такая, какія существуютъ въ Европѣ! Это на скорую руку сколоченный изъ сборнаго теса, на которомъ только намалевана крѣпость въ подражаніе французамъ или англичанамъ. Она одного дня не проживетъ и разлетится въ щепки, какъ только вы найдете вѣрную формулу для истинныхъ народныхъ требованій. Но вы сами ее еще не нашли, вы даже не согласились хорошенько между собой насчетъ общей программы дѣйствія, въ вашей собственной средѣ ежеминутно образуются расколы. Это, пожалуй, еще не большая бѣда и нельзя винить васъ за то, что вы не умѣли или не успѣли поймать истину. Я васъ виню главнымъ образомъ за то, что вы затѣваете революцію, которая вамъ нисколько не поможетъ потому, что народъ вы не поднимите, а безъ него вы безсильны. Да и покуда вы мечетесь во всѣ стороны, грозите, строите заговоры, неистовствуете, тесовый заборъ нашъ все крѣпнетъ, да крѣпнетъ, старыя, гнилыя доски замѣняются въ немъ новыми, да потолще, уже припасается кирпичь и увѣсистый булыжникъ —на всякій слу-

чай и защитники со всѣхъ сторонъ приманиваются такіе, которые съумѣютъ дать отпоръ кому угодно и противъ чего угодно...... Если вы мечтаете о томъ, чтобы для счастья и утѣшенья вашего отечества создать въ землѣ Русской плохую копію западной Европы, ну, тогда вы на самомъ истинномъ пути: продолжайте вашу революцію и еще и еще. Но если вкусъ у васъ потоньше и помыселъ повыше, то воздержитесь отъ всякихъ безобразій, отъ всего темнаго и насильственнаго, всегда помня, что соціальный вопросъ есть по преимуществу вопросъ нравственный...... Не знаю, какъ вы, а я до такой степени ненавижу копіи, что въ ту же минуту, когда у насъ появится таковая, на всегда убѣгу туда, гдѣ можно видѣть оригиналы и оттуда буду смотрѣть на русскій народъ какъ на такой, для котораго — все хорошо! Тогда гоненіе на славянство со стороны всякихъ Бисмарковъ будетъ въ моихъ глазахъ вполнѣ оправдано нетолько съ ихъ нѣмецкой точки зрѣнія, но и съ точки зрѣнія всемірной цивилизаціи, въ которую Россія ничего своего вносить не можетъ и за эту импотенцію должна быть отодвинута на самый послѣдній планъ. Но и помимо этого, Россія, съ самаго момента по-

явленья въ ней копіи, намалеванной нашими министерскими малерами, вступитъ въ періодъ нескончаемыхъ, безъисходныхъ внутреннхъ потрясеній, которыя истощатъ всѣ ея силы и сдѣлаютъ ее неспособной ни къ какому развитію. Прошу васъ обратить вниманіе на слѣдующее: чѣмъ бѣднѣе капиталами, чѣмъ умственно неразвитѣе и, ко всему этому, чѣмъ малочисленнѣе правящіе классы относительно всей массы населенья, тѣмъ они будутъ чувствительнѣе ко всякому давленью какъ сверху, отъ Царя, такъ снизу, отъ народа: слѣдовательно, имъ необходимо будетъ обставить себя самыми страшными, чудовищными привиллегіями, которыя всею своей тяжестью лягутъ на народъ и постараются придавить его елико возможно. Такимъ образомъ наша конституція принесетъ крестьянству уже не крѣпостную неволю, но полнѣйшую кабалу. ......
Мой взглядъ на вещи можетъ быть ошибочнымъ, но если онъ имѣетъ за себя хоть какія нибудь данныя, то это уже обязываетъ насъ къ крайней осторожности, должно воздерживать насъ отъ поспѣшныхъ рѣшеній и особливо отъ грубыхъ революціонныхъ пріемовъ, которые

вынуждаютъ къ торопливости мѣропріятій въ ту или другую сторону.

Разговоръ нашъ кончался, но мнѣ не хотѣлось отпустить отъ себя N., не взявъ съ него обѣщаніе воздерживаться напередъ отъ всякихъ революціонныхъ попытокъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, стараться дѣйствовать на своихъ товарищей въ смыслѣ высказанныхъ мною мнѣній, съ которыми онъ по видимому соглашался. Но N., какъ бы спохватившись, вскочилъ со стула и началъ быстрыми шагами ходить по комнатѣ. Это продолжалось минуты двѣ. Наконецъ онъ остановился и проговорилъ очень рѣшительно: нѣтъ, этого я не могу обѣщать ни за моихъ товарищей, ни за себя!

Почему же? спросилъ я въ изумленіи.

Вотъ видите ли, отвѣчалъ онъ, мнѣ не трудно было бы соглашаться съ вами потому, что самъ я не разъ приходилъ къ выводамъ весьма аналогичнымъ. Новостью для меня была одна ваша „Самодержавная республика.“ Но если она меня не ошеломила и я не расхохотался вамъ въ лице, такъ это благодаря тому, что у меня тутъ же промелькнула мысль: почему Россіи, въ самомъ дѣлѣ, не осуществить Самодержавную республику, когда

она ухитрилась создать нечто гораздо труднѣйшее?

А именно?

Самодержавную анархію! Развѣ мы не живемъ и довольно таки давно въ самодержавной анархіи?

Да, вы правы, невольно вырвалось у меня, это — самодержавная анархія! *Вездѣ - власть, всѣ — власть и нѣтъ ея только въ центрѣ!* Царскій указъ имѣетъ силу на Кавказѣ, въ Ташкентѣ, на границѣ Индіи, въ Камчаткѣ, но самъ Царь въ своей собственной столицѣ не смѣетъ показаться на улицѣ одинъ, безъ цѣлаго конвоя тѣлохранителей!!! Кто же его загналъ въ зимній дворецъ? Не крестьяне же русскіе, сидящіе по деревнямъ, не духовенство смиренное, не купечевтво толстобрюхое. Такъ неужели же сотня безшабашныхъ удальцевъ? Помилосердуйте! И не признавайтесь въ этомъ, не срамите себя. Мы смиряли не разъ возстанія цѣлыхъ народовъ и не можемъ нынче справиться съ горстью гимназистовъ! Кто же этому повѣритъ? А еслибъ это дѣйствительно такъ было, такъ, воля ваша, намъ пришлось бы только преклониться передъ гимназистами, заставляющими трепетать цѣлое громаднѣйшее

царство и самаго его Царя! Нѣтъ, тутъ обманъ очевидѣнъ! Но если не крестьяне, не духовенство, не купечество и не гимназисты, такъ кто же? — *Вѣдь остается одна интеллигенція, жаждущая конституціи!*

Ну, вотъ и доискались! воскликнулъ N. и продолжалъ: одинъ весьма почтенный нѣмецъ изъ остзейцевъ, разсуждая въ моемъ присутствіи о поступкѣ Вѣры Засуличь, сказалъ, что ей слѣдовало бы чулки вязать, а не стрѣлять въ градоначальниковъ, что она дѣлаетъ не свое дѣло. Конечно нѣмецъ говорилъ сущую правду, противъ которой спорить нѣтъ возможности: да только онъ упустилъ изъ вида одно весьма важное обстоятельство, то, что въ Россіи не одна Вѣра Засуличь, но всѣ, безъ исключенья, *дѣлаютъ не свое дѣло.* Неужели въ заправду дѣло министра финансовъ грабить Россію, неужели дѣло министра просвѣщенья преграждать молодежи всѣ пути къ ученію, неужели дѣло полководца отравлять своихъ солдатъ притухлыми сухарями, неужели дѣло чиновниковъ, этихъ царскихъ слугъ, всюду творить беззаконія, чинить неправды, обиды, утѣсненія и становиться притчою во языцѣхъ, неужели дѣло педагоговъ забивать мозги юно-

шества, неужели дѣло малолѣтнихъ дѣтей помышлять о самоубійствѣ и т. д., и т. д.? Анархія не ограничилась у насъ одними культурными классами, она гуляетъ и въ мужицкой средѣ: русскій мужикъ пересталъ дѣлать свое дѣло.

Это какъ же?

Въ библіи Богъ сказалъ человѣку: „въ потѣ лица своего снѣси хлѣбъ твой.“ Посмотрите же: лице мужика все въ поту, даже въ крови: *но хлѣба своего онъ не ѣстъ!!*..... Ну, а когда главное, такъ сказать, приводное колесо въ машинѣ не дѣйствуетъ или дѣйствуетъ плохо, тогда во всей машинѣ неминуемъ хаосъ. Или это не такъ?... Вотъ и мы, юноши, не дѣлаемъ своего дѣла, не учимся, а занимаемся революціей. Мы, стало быть, находимся въ полнѣйшей гармоніи со всѣмъ остальнымъ. За что же вы насъ преслѣдуете? Вы только тогда получили бы право называть насъ нарушителями общаго порядка, когда бы мы прилежно взялись за наши учебники. Но возможно ли требовать отъ юношества, чтобъ оно подавало всѣмъ примѣръ и неужели это не показалось бы обиднымъ для васъ, стариковъ? Мы революціонеры — изъ уваженія къ вамъ!...

Поймите же, что юношество сбито съ толку общею неурядицей и безсильно ей противиться. Это обстоятельство очень важное, на которое прошу обратить особенное вниманіе. Кидаясь въ революцію русская молодежь *не имѣетъ ровно никакихъ идеаловъ*, не имѣетъ понятія ни о существѣ конституцій, противъ которыхъ вы хотѣли бы ее предостеречь, ни о существѣ будущаго соціалистическаго государства и строитъ революцію рѣшительно не вѣдая, куда и къ чему она можетъ ихъ привести. Она занимается беззаконіемъ въ великомъ царствѣ беззаконія. . . . . „Все распущено", — это слово вы нынче услышите во всѣхъ углахъ Россіи и во всѣхъ слояхъ общества, отъ низшей до самыхъ высокихъ.

Вы однако не желали бы крутыхъ мѣръ и не сказали бы извѣстное: „чѣмъ хуже, тѣмъ лучше?"

Избави Богъ! Это было бы только лишней прибавкой къ существующему хаосу. Прежде всего я бы желалъ *строжайшаго и неуклоннаго исполненія закона во всѣхъ сферахъ, сверху до низу; а за тѣмъ — полнаго обезпеченія крестьянскаго хозяйства, или, какъ вы говорите, справедливаго рѣшенья аграрнаго вопроса Царскою самодержавною властью и, наконецъ, податной реформы.* Когда мы перевалимъ черезъ этотъ главный и труднѣйшій порогъ, тогда русская жизнь снова потечетъ самымъ мирнымъ образомъ и всѣ бурные, революціонные порывы прекратятся сами собой за отсутствіемъ повода. . . . . Вы хотите, чтобы я началъ останавливать *теперь* моихъ товарищей, но это рѣшительно невозможно: они меня или не поймутъ, или, просто, слушать не станутъ. Вопль, неумолкающій, страшный вопль, всюду поднимающійся съ самаго дна земли нашей, терзаетъ ихъ юныя сердца, мучитъ воображенье, озлобляетъ душу. Встревоженные, испуганные, нерѣдко обезумѣвшіе дѣти мечутся во всѣ стороны. Инымъ изъ нихъ удается юркнуть подъ крылышко школы. Но что же они и тутъ находятъ? Мертвое, отупляющее и развращающее школярство, невѣжественное и подозрительное къ нимъ отношенье начальствующаго персонала и вотъ — бѣдняжки изгоняются или сами бѣгутъ изъ школы въ безшабашный, это правда, но все таки просторъ революціи, заманчивый своими мечтательными цѣлями. А я, что могу я одинъ противъ всей русской дѣйствительности,

увлекающей ихъ съ силой урагана?! Да и не хочу я отстать отъ тѣхъ, съ кѣмъ дѣлилъ всю мою жизнь и, какъ бы ни былъ погибеленъ ихъ путь, погибну съ ними. Знайте, что, какъ ихъ, такъ и меня могъ бы спасти — одинъ Царь! У насъ теперь всюду раздаются вздохи: „Эхъ, кабы Петровская дубинка!" А я скажу: Эхъ, кабы твердое Царское слово!... Народъ давно и громко воетъ, къ Царю воетъ, надо, чтобы и Царь ему окликнулся: „*Слыши, сынку!*" И пусть трепещутъ окружающіе его Мордохеи, уже давно съ избыткомъ получившіе мзду за свою усердную службу.

Ну, а если такое слово не раздастся, спросилъ я?

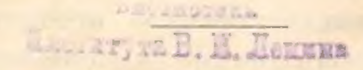
Тогда, отвѣчалъ N., будетъ продолжаться и усиливаться анархія, а съ нею и революція, которая, какъ я уже вамъ объяснялъ, есть неизбѣжный продуктъ самой анархіи точно также, какъ бредъ бываетъ невольнымъ и неизбѣжнымъ спутникомъ горячки. Я съ вами откровененъ вполнѣ и, какъ вы сами можете видѣть, я не обманываю себя насчетъ той роли, которую мы, юноши, играемъ въ нынѣшнихъ судьбахъ Россіи. Мои товарищи будутъ пожалуй передъ вами хвастать и выставлять себя запѣвалами, идущими впереди всѣхъ, увлекающими за собой всю націю. Но я знаю, что въ дѣйствительности это вовсе не такъ и снова повторяю вамъ, что ихъ неудержимо несетъ общій потокъ, ихъ гонитъ и толкаетъ вся совокупность абнормальныхъ условій нашей современности. Но тѣмъ хуже: *вѣдь они потому только и сильны и страшны, что дѣйствуютъ не отъ себя, не отъ своего ничтожества. Все ихъ ужасное значенье именно въ томъ, что они — невольное и слѣпое орудіе силы вещей.* Еслибъ революція была ихъ собственнымъ изобрѣтеніемъ, вымысломъ, мозговымъ продуктомъ незрѣлыхъ головъ, не имѣющимъ никакой связи со всею окружающею дѣйствительностью, то она могла бы возбуждать въ насъ только жалость или презрѣнье. Но нѣтъ, тутъ разъигрывается не комедія, а ужасная трагедія, изъ за которой грозно поднимаетъ свою голову и глядитъ сама судьба. *Мы, мальчики, страшны вамъ!!* Вѣдь не тѣмъ же мы страшнѣе, что мы мальчики, а тѣмъ, что въ нашихъ мальчишескихъ затѣяхъ отражается ваша старческая гнилость и вы испугались вашего собственнаго безобразія!.....

Мы оба замолкли. Надъ чѣмъ задумался

N., я не знаю: но, признаюсь, я не думалъ ни о чемъ, или, пожалуй, обо всемъ, что въ сущности одно и тоже. Я чувствовалъ себя подавленнымъ результатами, къ которымъ мы пришли. Чего ждать въ будущемъ, гдѣ искать исхода?...... Мое мрачное раздумье прервалъ наконецъ N.

Не малодушествуйте, проговорилъ онъ, ободритесь: спасенье намъ еще возможно. *Пусть только прогремитъ на всю Русь твердое Царское слово — и мы всѣ воскреснемъ!*....

N. ушелъ и тутъ только я вспомнилъ, что онъ — революціонеръ, а между тѣмъ — какъ разсуждаетъ! Да совсѣмъ, совсѣмъ не такъ, какъ тѣ, что называютъ себя консерваторами. Эти устроили въ Россіи облаву на Царя и льстивыми словами заманиваютъ его въ свои сѣти..... О, Государь, не поддавайтесь! Такъ говоритъ вамъ человѣкъ, который никогда у власти ничего не просилъ, никогда въ ней не искалъ, ни въ какомъ вѣдомствѣ не служилъ и нынче не выставляетъ на показъ своего имени.

Типографія П. Станкевича, въ Берлинѣ.